

шим языком; и потому ни французы, ни англичане не имеют таких хороших переводов с греческого, каким обогатили ныне немцы свою литературу. Гомер у них Гомер; та же неискusstвенная, благородная простота в языке, которая была душою древних времен, когда царевны ходили по воду, а цари знали счет своим баранам».³⁶

Мысль о необходимости при изучении древних авторов, при переводах с греческого учитывать индивидуальные качества и особенности греческой поэзии, порожденные климатом, образом жизни, общественным строем, религией и т. д., принадлежит Гердеру. Знакомство с Гердером позволяло Карамзину говорить о «духе древних греков», который понимали Гердер и Гете.

В письме из Парижа (май 1790) Карамзин рассказывает о русской истории, о русском национальном характере и в этой связи дает критическую оценку книге французского историка Левека «История России» (1782—1783). Левек «унижает Петра Великого», осуждает его за то, что, желая образовать свой народ, подражал другим народам. Карамзин и Левек стояли на разных уровнях понимания истории. Потому, критикуя французского историка, Карамзин высказывает принципиально иной взгляд на характер взаимоотношений культур различных народов: «Путь образования или просвещения *один* для народов; все они идут им вслед друг за другом. Иностранцы были умнее русских: итак, надлежало от них заимствовать, учиться, пользоваться их опытами. Благоразумно ли искать, что сыскано? Лучше ли б было русским не строить кораблей, не образовать регулярного войска, не заводить академий, фабрик, для того что все это не русскими выдуманно? Какой народ не перенимал у другого? И не должно ли *сравняться*, чтобы *превзойти*?» Петр I, «рожденный в Европе, где цвели уже искусства и науки во всех землях, кроме русской, [...], должен был только разорвать завесу, которая скрывала от нас успехи разума человеческого, и сказать нам: „Смотрите; сравнитесь с ними и потом, если можете, превзойдите их!“ Немцы, французы, англичане были впереди русских по крайней мере шестью веками; Петр двинул нас своею мощною рукою, и мы в несколько лет почти догнали их. Все жалкие *церемиады* об изменении русского характера, о потере русской нравственной физиогномии или не что иное, как шутка, или происходят от недостатка в основательном размышлении».³⁷

Это программное рассуждение — образец исторического взгляда на прогресс в истории, на развитие национальной культуры. И оно не случайно для молодого писателя — он знаком с концепцией Гердера о преемственности в развитии культур, с его учением, что каждый народ усваивает достижения прошлых цивилизаций и развивает, обогащает их. Впервые свою кон-

³⁶ Карамзин Н. М. Избр. соч. М.; Л., 1964, т. 1, с. 174—175.

³⁷ Там же, с. 416—417.